

Роман, полный тревоги

КРУГ ЧТЕНИЯ

Свой последний роман «Салин» Герберт Кемоклидзе писал с перерывами, лет десять. Готовую рукопись послал наудачу в журнал «Дон», и там его в прошлом году в трех номерах напечатали. Прямо святочная получилась бы история, если бы не одно «но». При тираже «Дона» в полтысячи экземпляров роман о судьбе трех поколений рода комиссара Семена Нахимсона (партийный псевдоним Салин), чье имя носит одна из улиц старого ярославского посада, по сути так и остается земляками автора непрочитанным. «Дон» не выписывает теперь даже главная библиотека области – Некрасовская.

В Интернете, кроме сообщения нашей газеты, так ничего больше о «Салине» и не появилось. Напрасно искали бы книгочеи упоминание новинки и в первополосной рубрике «Литературной газеты» «ЛГ-рейтинг». Предыдущий роман Кемоклидзе «Панков» («Нюанс», 2003) по статистике продаж в Москве, помнится, был среди фаворитов. Суждено ли повторить успех второму роману? Пока что даже просто задаваться таким вопросом смеху подобно. «ЛГ-рейтинг» журнальные публикации не учитывает – только книжки.

При нынешнем курсе издательского совета администрации области на экономную финансовую поддержку членов писательских союзов к юбилеям автору «Салина» на выпуск его отдельным изданием рассчитывать, наверное, тоже не приходится. «Сколько ни старался, – слегка поострил по такому поводу Герберт Васильевич, – ничего юбилейного для себя в наступившем году обнаружить не сумел».

Можно только догадываться, каково писателю быть автором романа напечатанного, но в родном городе никем, кроме его домашних да нескольких друзей-приятелей, не прочитанного, если пишет он независимо от жанра прозу остромодную, извлекающую из прожитого уроки жизни на вырост. Заглавный герой романа предыдущего, завлаб-токсиколог, бьется с тотальным равнодушием и двуличием, отказывается подписывать регламент экономически выгодного нов-

шества с недостоверной и опасной экологией.

«Чернобыль» уже прогнозировал, но в стране массового «одобрямса» вести себя так было не принято, и герою-одиночке уж постарались показать его место в жизни – заманили отдохнуть за железные двери «веселого дома». Но совсем скоро продолжение романа «Панков» начнет писать сама жизнь – на митингах Народного фронта против привилегий партсовноменклатуры, на собраниях разгневанных гулаговцев-мемориальцев, единомышленников в том, что хватит играть с историей в прятки, на акции «зеленых» против строительства на волжском водосборе атомной электростанции.

То, что усадило писателя за стол, когда в середине 90-х принялся он за «Салина», российская жизнь досказывает уже в третьем тысячелетии – взрывами в метро, заказными убийствами банкиров и политиков, налетами на мечети и синагоги, да хотя бы хроникой событий наступившего года Красной свиньи, потрясшей многих вестью с Урала о расправе грабителей – в рождественский вечер! – над священником сельского храма.

Поруху в душах не вылечить таблетками, то недуг наследственный. Версию его диагноза в лицах и судьбах и дает Кемоклидзе своим новым романом. «Оружие делает человека сильнее», – хладнокровно оправдывается 18-летний боевик Саля, будущий суровый большевик Семен Нахимсон, представ перед встревожен-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

ным папашей, когда тот находит в детской спрятанный сынком отнюдь не игрушечный револьвер.

Сын потом закончит Бернский университет, получит степень доктора экономики. Его любимым словом станет латышское «картиба» – порядок. Но то, что когда-то услышал от него про оружие отец, так и останется краеугольной истиной для большевика Салина-Нахимсона. По трагической издевке судьбы он погибнет от самосуда мятежников в первый же день братоубийственных боев в Ярославле в июле восемнадцатого года.

Вообще-то не в манере Кемоклидзе прямые подсказки, где кроется корень зла. Предпочитает, чтобы читатели искали его сами. Предлагает нам

не спеша обжиться среди героев, поскитаться с ними не только по их земным, но и небесным дорогам. В «Салине» дух заглавного героя умудряется он вызывать прямо-таки не вставая из-за служебного стола «литначальника», как за просто себя величает.

На живом глазу созывает у себя в Союзе писателей на бывшей явочной квартире революционером-подпольщиком сходку: Нахимсон появляется в компании двух легендарных вдохновителей красного террора Свердлова и Троцкого.

Мастерски заземляет автор их бесплотные тени – настороженным вопросом всесильного председателя ВЦИК, зорко оглядевшегося вокруг: «Обстановка изменилась?», какими-нибудь душевными тесемками

на его выдавшей виды папке или «любвеобильной ямочкой» на подбородке у основателя Красной армии Троцкого. Быстро освоившись в присутствии хозяйина кабинета, гости для разминки взапуски разглагольствуют о... собственных памятниках.

Будут у комиссара Салина встречи и поважней. По ту сторону жизни под библейским именем Симеон переломит он хлеб и разделит чашу с Назареем – человеком, несущим крест. На обочине пыльной дороги призадумаются: то июльское восстание, жестоко подавленное, зачем все было? Назарей услышит от незнакомца слова: «Мы убивали друг друга в споре, кто из нас добрее». Не возразит злему абсурду, пожелает Симеону прозрения и еще – напрокорчит встречу «с последним из своего колена».

Прозрения и раскаяния не наступит. В одном из писем же не комиссар Нахимсон назовет свое время «счастливым» – свято верил: наступает для человечества новая эра справедливости для всех, за нее не жалко и жизни, и «нас не забудут». Кемоклидзе уж постарался, чтобы читатели не остались в неведении, чем обернулись для Салиных те красивые миражи. Дочь комиссара, старая большевичка Тамара Семеновна, после того, как у нее украли инвалидную коляску, отравилась на кухне газом. Жизнь следующего поколения Салиных, казалось бы, таких благополучных супругов-партсов-функционеров омрачил трагический, со стрельбой, исход ссоры сыновей из-за дамы, да и не только из-за нее.

И будет та встреча «с последним из колена» вторым ключевым героем «Салина», правнуком комиссара, ветераном и мучеником Афганом. По роковому стечению обстоятельств он прольет кровь. Безродный и бездомный, Сергей Салин явится сдаваться органам. В комнату допросов приведет писатель и Салина-старшего. «Зачем ты послал меня на чужую гражданскую вой-

ну?» – потревожит его совесть правнук. Услышав в ответ: «Я тебя не знаю», Сергей-афганец еще успеет сказать по праву человека, изломанного жестоко костью и прозревшего: «Это ты всех заразил».

Пламенному борцу за дело революции хватит мужества вынести и такие слова, звучащие как приговор. Когда в правнука полетят пули бдительного следователя Будкина, комиссар бросится под выстрелы, в тщетном порыве заслоняя своего родича. С ним комиссару так о многом надо бы поговорить.

Двое Салиных, прадед и правнук, связаны в романе как чет и нечет. У каждого свои именные главы. У правнука они нечетные, начиная с первой. Так что в гости к его прадедам, сперва в молодости яростного латышского бойца Салина, отправляемся мы из времен после Афгана и развала Советского Союза. Те времена без труда в романе узнаются. Брошенные и униженные бедностью солдаты Великой Отечественной собирали тогда по скверам пустые бутылки, а жизнь наша начинала напоминать один большой толчешник, где как на охоте: кто бойчей, тот и с добычей.

Так и живут однополчане Сергея – афганские деды Гром и Водила, разудалый его дружба Хариус, рэкетир Рэн, торговец краденым Ильей. Всяк по своему пристроился, притерпелся на гражданке, даже безногий Филос, попавший под Афган, как под трамвай. Только у Сергея притерпеться никак не выходит. Задубела кожа, заматерела речь – бьющий в яблочко окопно-барыжный треп. Но не заживает душа, простреленная Афганом. Попали туда не по своей воле, но убивали же, убивали...

У афганского синдрома, мы знаем, будет продолжение – Чечня. «Салин» заряжен тревогой, а ей в нашей жизни конца не видно. Вот и нужен роману читатель. Ни больше и ни меньше, чем читателю нужен он сам.

Юлиан НАДЕЖДИН.